

СПАСИ И СОХРАНИ
(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

СЕРГЕЙ ПАРАМОНОВ

16+

Сергей Парамонов

Спаси и сохрани. Часть первая

«Автор»

2022

Парамонов С. В.

Спаси и сохрани. Часть первая / С. В. Парамонов — «Автор»,
2022

Мать русского солдата отправляется на поиски своего сына, который после штурма Грозного в 1995 году ранен в голову, потерял память и захвачен боевиками в плен. Ради развлечения пленника начинают выставлять на бои без правил, и он одерживает победу за победой. ГРУ России становится известно о проведении одного из поединков, на который в качестве зрителей приглашен генералитет боевиков. Цель ГРУ – уничтожение главарей банд формирований. После проведения специальной операции русского пленника принимают за боевика и отправляют на зону, где судьба готовит ему новые испытания. Путь на свободу для солдата оказался очень трудным...

© Парамонов С. В., 2022

© Автор, 2022

Сергей Парамонов

Спаси и сохрани. Часть первая

Сергей Парамонов
Гладиатор

Глава 1 Операция «Мышеловка»

1995 год.

Владикавказ. Штаб 58-й армии.

Группировка российских войск на Северном Кавказе

В небольшом затемненном кабинете собрались несколько высокопоставленных офицеров Группировки российских войск на Северном Кавказе. Вел совещание коренастый, невысокого роста генерал. Поговаривали, что родом он был не откуда-нибудь, а из Грозного. Генерал, сложив руки за спиной, некоторое время молча прохаживался перед зарешеченным окном.

– Итак, не буду повторяться, товарищи офицеры, дело очень серьезное. Об этой операции, кроме нас с вами, известно лишь трем лицам государства: президенту, министру обороны и руководителю ГРУ. Информация секретная, любая утечка недопустима и будет караться самым жестоким образом. Наш человек, внедренный в террористическую организацию, каждую секунду рискует жизнью. И мы сейчас с вами должны думать не только за себя, но и за того парня. Слово для доклада имеет подполковник ГРУ Сидорченко Павел Евгеньевич. Все вы его прекрасно знаете по прошлым проводимым спецоперациям в месте нашей дислокации. Прошу вас, товарищ подполковник!

Перестав мельтешить перед глазами присутствовавших, генерал сел в свое мягкое черное кресло.

Со своего места поднялся одетый в спортивный костюм тридцатилетний мужчина явно не славянской внешности, обросший бородой на манер боевиков. Он молча оглядел собравшихся. Со стороны могло показаться, что все эти высокопоставленные офицеры решили допросить стоявшего перед ними чеченского сепаратиста. Да, все-таки ГРУ умеет подготавливать свои кадры. В каком только обличье последнее время не предстал перед собравшимися этот молодой подполковник ГРУ! Человек в спортивном костюме продолжил совещание:

– Товарищи офицеры, в ходе проведения нескольких запланированных мероприятий из достоверных источников нам стало известно, что в одном из населенных пунктов Чечни – назовем его пунктом X – в назначенное время состоится поединок двух бойцов очень высокого класса. Во время поединка будет организован тотализатор, входной взнос в который составляет не менее миллиона долларов США.

– Неужели вы хотите предложить нам разместить свои ставки в тотализаторе? – неудачно пошутил один из присутствующих высокопоставленных офицеров с погонами полковника.

– Попрошу вас, господа офицеры, быть повнимательней и посдержанней в своих высказываниях, дело крайне серьезное, – сурово глянув из-под широких бровей в сторону говорящего, парировал подполковник ГРУ. – Итак, самое интересное в этой ситуации то, что, по достоверной информации, воочию наблюдать за этим поединком намереваются наши «близкие друзья»: Басаев, Масхадов, Хаттаб и ряд других так называемых бригадиров. Наша задача – в нужное время в известном нам квадрате обработать территорию всем имеющимся арсеналом, а затем, для подтверждения успешности операции по обезвреживанию глав бандформирований, провести зачистку данного квадрата силами элитных подразделений группировки. Повторюсь,

ставка велика, товарищи офицеры. Представилась реальная возможность обезглавить бандформирования. Цель поставленной задачи – отыскать среди живых и мертвых лидеров боевиков для предоставления пусть даже их трупов общественности и проведения информационной борьбы с противником. У меня все; спасибо за внимание, товарищи офицеры, – закончил свой краткий доклад человек в спортивном костюме.

– Есть ли вопросы к подполковнику? Товарищи офицеры, высказывайтесь, – продолжил совещание генерал.

– Насколько достоверной и проверенной является данная информация и о каком квадрате идет речь, товарищ подполковник? – спросил один из сидящих за столом генералов.

– Информация достоверная, подтверждена тремя независимыми источниками. Что касается квадрата, то на данном этапе разработки операции он засекречен. Наш агент, внедренный в бандформирование, в нужное время выйдет на связь и даст нам знать, что все готово. Во избежание утечки информации дата и точное время будут сообщены дополнительно за час до начала операции.

– Да что вы себе позволяете, подполковник? Вы что, нас всех здесь в чем-то подозреваете? Квадрат нам необходим лишь для того, чтобы скоординировать действия по проведению совместной операции. За час это сделать будет невозможно, – вспыхнул генерал.

– Повторяю, дата и точное время будут сообщены дополнительно за час до начала операции. – Подполковник ГРУ посмотрел своим жестким немигающим взглядом в глаза генералу.

Генерал, поевшись, отвел взгляд в сторону зарешеченного окна. Связываться с гэарушником было небезопасно.

– Итак, подытожим, – продолжил председательствующий на совещании генерал.

– В назначенное время У силами авиации совместно с наземной артиллерией выжигаем квадрат Х, а затем проводим зачистку территории спецподразделениями. Цель – найти среди живых или мертвых наших фигурантов. Приказываю составить списки участвующих подразделений, распределив и скоординировав при этом совместные действия. Доложить в кратчайшие сроки. Совещание окончено, все могут быть свободны; подполковника Сидорченко попрошу остаться.

Через несколько секунд в кабинете остались лишь двое.

– Павел Евгеньевич, поражаюсь вашей способности перевоплощаться. Если бы встретил где-нибудь на улице, ни за что не распознал бы российского офицера, а принял за отъявленного чеченского головореза. Неужели этому можно научить?

– Товарищ генерал, человека можно научить всему. Расскажу вам недавний случай. С напарником передвигаемся мы в районе Шали на гнилой «копейке» без номеров, в полном, так сказать, окрасе на местный манер. На развилке дорог на корточках сидит молодой чеченец и машет рукой, мол, в ту сторону не езжай, там федералы, но езжай туда, там все в порядке. Вот так, даже местная братия принимает нас частенько за своих.

– Понятно, Павел Евгеньевич. Ну что же, не буду задерживать. Вам необходимо отдохнуть, восстановить свое физическое и моральное состояние, – дружелюбно улыбнулся генерал. – Да, кстати, у меня тут в сейфе есть душевный коньячок, с лимончиком, может, по двести маханем?

– Не откажусь, товарищ генерал, – ответил гэарушник.

Достав из сейфа бутылку коньяка, генерал разлил ее по граненым стаканам и поставил рядом блюдо с аккуратно нарезанным лимоном.

– Ну, Паша, за успешную операцию! – по-отечески улыбаясь и беря стакан, произнес генерал.

– И за нашу победу, товарищ генерал, – проговорил молодой человек в спортивном костюме, похожий на вахабита.

Допив коньяк, они еще долго сидели, вспоминая парней, которые своей кровью защищали конституционный порядок – и так и остались лежать в этой обожженной чеченской земле.

Глава 2

Зверь

Чечня, Шатойский район

– Зверя надо ставить на бой, клянусь Аллахом, и ставить на кон миллион американских долларов. Это мое последнее слово, Шамиль, больше никто не совладеет с Черной Смертью. Это лучший боец Хаттаба, я видел его в деле. Или же следует отказаться от вызова.

– Мы уже приняли брошенный вызов и как мужчины должны держать слово. Но я не уверен в этом вашем Звере, я не видел его в бою, а ставить на темную лошадку, да еще к тому же у которой нет прошлого, «лимон» гринов – перспектива не очень радужная. Черная Смерть – воин, прошедший не одну кампанию, отправивший к Аллаху не одну сотню людей, это убийца от природы. Он владеет несколькими видами единоборств. Говорят, он даже какое-то время обучался в Китае и был признан их гуру, или как там они зовутся. А кто такой Зверь? Ты мне можешь внятно ответить?

– Невозможно предсказать исход боя, но ставить больше некого. Зверь в спарринге уложил Беслана Терского, а в Ичкерии не было равного этому бойцу. Я не раз наблюдал за спаррингами Зверя, и он действительно соответствует своей кликухе. В бою он руководствуется звериными инстинктами, в его глазах читается смерть. Я выставлял его и с боксерами, и с борцами, и с каратеками, и всегда он чувствует их шестым чувством. Он ведет бои всегда по-разному и, главное, непредсказуемо. У него есть не один десяток отработанных до автоматизма нокаутирующих ударов из любой позиции. Не знаю, занимался ли он когда-нибудь профессионально единоборствами, но уверен, что в уличных драках участвовал постоянно. Нет в его действиях отработанной техники, он непредсказуем для соперника и поэтому смертельно опасен для него. И, в конце концов, что мы теряем? «Лимоном» больше, «лимоном» меньше, это значения не имеет; зато открываются перспективы. Побей он Черную Смерть, его можно вывозить на бои к арабским шейхам, а там ставки, как тебе известно, исчисляются сотнями ламов. Так что это хорошая реклама и заявка на проведение серьезных боев.

– Ладно. Бой назначен на восемь вечера, еще есть время подумать. Да, и пока не забыл, распорядись, чтоб его подобающе одели. Пусть дадут самый лучший натовский «камок», а то над нами наши арабские друзья будут смеяться, если мы его выпустим в том, в чем он сейчас одет.

Дверь в комнату открылась, и на пороге появился молодой чеченец.

– Что хотел, Ваха?

Ваха был начальником личной охраны Масхадова, и поэтому все, что касалось командира, проходило прежде всего через Ваху.

– Аслан, там пришла русская женщина и говорит, что ей надо поговорить лично с тобой. Мы ее обыскали, все чисто. Спрашиваю, зачем вам Масхадов и откуда вам известно, что он здесь, и вообще как вы тут оказались? Говорит, это очень важно, и скажет она лично только тебе. Что делать? Может, провокация? Попытать немного, а потом секир башка?

– Ваха, скажи, твои предки на гестапо, случайно, не работали? Все у тебя попытать, а потом секир башка. Пусть зайдет. Только еще раз досмотрите. Сам это сделай. Ступай.

Через несколько минут на пороге комнаты появилась мать одного из тысячи русских солдат. Это была сорокапятилетняя светловолосая женщина в платке, темной длинной юбке и фиолетовой кофте.

Глава 3 Суд

Два года спустя

– Лариса Леонидовна, вас вызывает председатель суда, – приоткрывая дверь, протараторила скороговоркой секретарь судьи.

– Спасибо, Вероника, – ответила молодая судья.

На вид девушке было около двадцати пяти лет. Высокая, со жгуче-черными волосами, подстриженными под каре, с большими голубыми глазами и улыбкой Моны Лизы, она сводила с ума случайных посетителей и завсегдатаев районного суда в те редкие моменты, когда проходила по коридорам суда. Вот и сейчас она шла своей эффектной походкой, на высоких шпильках, подчеркивающих идеальные ножки, оставляя за собой шлейф мужских взглядов.

– Василий Иванович, разрешите?

– Да, да, Лариса Леонидовна, проходите, – улыбаясь, ответил председатель суда.

Он долго и внимательно смотрел на девушку, думая о чем-то своем.

– Знаешь, Лариса, все чаще и чаще вспоминаю твоего отца. Судья был от Бога, да и друзей таких у меня больше никогда не было и не будет. Вчера с Мариной вспоминали, как ездили к вам на дачу. Леонид с Надеждой тогда были еще живы.

Василий Иванович на минуту замолчал, глядя в окно.

– Так вот, вспоминали тебя, как ты еще совсем малышкой – сколько тебе тогда было, наверное, восемь лет? – сказала нам, что, когда вырастешь, будешь, как и папка, судьей. Твоим словам тогда никто значения не придал. Да и Леонид не хотел, чтобы ты пошла по его стопам. Но человек предполагает, а Господь располагает. Сегодня месяц, как ты в должности судьи, с чем от всего сердца позволь тебя поздравить! Пожелать, так сказать, профессионального взросления. Будь мудрой в принятии решения, всегда взвешивай на весах правосудия все «за» и «против». Если это необходимо, обращай ко мне за советом. Хотя судейская этика этого не позволяет делать, но бывают случаи, когда одна голова – хорошо, а две – лучше.

– Спасибо, Василий Иванович. Сегодня пять лет, как папы и мамы не стало. Месяц, как я работаю в суде, и сегодня у меня оглашение первого приговора. Вот такие стечения обстоятельств, – сказала Лариса, и ее глаза наполнились слезами.

Василий Иванович поднялся со своего кресла. Он подошел к ней, сел рядом и по-отечески обнял. Несколько минут они просидели молча. Лариса прижалась, как маленький ребенок, к его груди, а он еще некоторое время гладил ее волосы.

– Нелепая смерть. Ты ведь знаешь, я вел дело этого милиционера. Экспертиза установила, что он был в состоянии алкогольного опьянения, и именно это обстоятельство повлияло на ДТП, в котором погибли твои родители. Я дал ему наказание по максимуму. Но, к сожалению, Леонида и Надежду не вернуть, – сказал Василий Иванович и глубоко вздохнул.

Он встал из-за стола, открыл сейф и достал две хрустальные рюмки и блюдо с нарезанным лимоном. Нажал кнопку на телефоне:

– Наталья Игоревна, меня ни для кого нет.

Разлив по рюмкам коньяк, снова сел рядом с Ларисой.

– Лариса, давай помянем твоих родителей. Светлая им память, и пусть земля им будет пухом. Они всегда будут жить в наших сердцах.

Лариса, сморщившись, выпила содержимое рюмки и закашлялась.

– Сейчас отпустит, Лариса. Коньяк – верное средство для снятия стресса.

Лариса, вытирая слезы, молча кивнула головой.

– Лариса, ты мне как дочь, но почему-то последние новости я узнаю не от первоисточника, – сказал председатель суда и, улыбаясь, заглянул в ее голубые глаза.

– Вы о чем, дядя Вася?

– Ну вот, хоть дядей Васей назвала. Я уж и забыл, когда ты меня так называла, – и он снова, улыбаясь, заглянул в ее глаза. – Да дошли до меня слухи, что завелся у нас в суде некий адвокат Барбусов. Он каждое утро заходит в суд с большим букетом роз, который, по всей вероятности, оказывается у тебя на столе. А я об этом узнаю последним. Непорядок, одним словом. Насколько я помню, у нас с тобой договоренность, что я буду посаженным отцом на твоей свадьбе. Или это все несерьезно – сплетни, наговоры? – спросил Василий Иванович и хитро улыбнулся.

– Дядя Вася, да я вам про него рассказывала, это же Вадим, моя первая любовь. Мы ведь с ним в разных городах учились. Развела нас судьба на некоторое время; он меня искал, а я – его. А встретились здесь, в суде, случайно. Захожу на процесс, а он за адвокатским столом сидит, – такое, пожалуй, только в романах прочитаешь. Насчет цветов информация верная; ну, а по поводу остального могу заверить, что ты, дядя Вася, первым об этой новости узнаешь, и посаженным отцом на моей свадьбе, если она когда-нибудь состоится, будешь именно ты. Ближе и роднее тебя у меня никого нет, – сказала Лариса.

– Ну, так-то оно лучше. А я-то грешным делом обиделся на тебя. Да, кстати, Лариса Леонидовна, что за приговор ты сегодня оглашаешь?

– Чеченское дело, – ответила Лариса и глубоко вздохнула. – Не знаю, что со мной творится, дядя Вася, но я уже месяц не сплю по ночам. А если и удастся вздремнуть, то мне мерещатся обстоятельства этого жуткого уголовного дела.

Василий Иванович крепко обнял Ларису.

– Это я, дурак старый, во всем виноват. Нужно было не отписывать тебе его. Но я и представить не мог, что все так закрутится, – за это и корю себя. Ты знаешь, в любой профессии есть свои скелеты в шкафу. Наша профессия – не исключение. Я ведь судьей уже тридцать лет и за это время много чего насмотрелся. По большому счету, каждого второго, проходящего через суд, надо оправдывать: кого за недоказанностью, кого за непричастностью. И все это понимают. Но открою тебе один секрет. Как и в любой профессии, у нас есть план, в том числе и по оправдательным приговорам. По России, если я не ошибаюсь, он установлен в полтора процента от общего числа рассмотренных дел. На долю Ростовской области выпадает около пятидесяти оправдательных приговоров в год. И только попробуй нарушить этот установленный лимит – сразу поставят на вид со всеми вытекающими последствиями. Ибо если этот процент нарушить в масштабах страны, то это как минимум подорвет репутацию судебной власти в глазах населения. Оправдательный приговор в каждом конкретном случае указывает на то, что следователь, который вел уголовное дело, прокурор, который утверждал обвинительное заключение, и судьи, которые бесконечное количество раз продлевали нахождение под стражей, ошибались. А ведь они все получают зарплату, которая формируется за счет налогоплательщиков. А это значит, что в стране может начаться хаос. Ведь оправданные имеют право на реабилитацию и денежную компенсацию из бюджета. Дабы держать баланс, нам и устанавливают количество оправдательных приговоров, превысить которое мы не имеем права. Поэтому иной раз судьи закрывают глаза на бесчисленных бомжей, которым подкидывают где патроны, где наркотики... Ты знаешь, грустно. Когда мы учились с твоим отцом в Академии правосудия, то мечтали быть беспристрастными, но жизнь все расставила по своим местам.

– Вот это меня и гнетет, Василий Иванович. И я просто уверена, что мне лучше всего уйти из судебной системы, пока она меня не отравила, – проговорила Лариса.

– Все-таки твой отец был прав, когда говорил, что ты не должна идти по его стопам. Я приму твой выбор, каким бы он ни был. Но самое главное – взвесь все «за» и «против», договорились?

– Да.

– Совсем забыл: сегодня звонили из областного суда, просят допустить прессу на оглашение приговора по чеченскому делу. Я не вижу препятствий. Ты со мной согласна? Не каждый день рассматриваются такие жуткие дела.

– Да, Василий Иванович, прессу допущу. Разрешите идти, надо еще допечатать приговор.

Василий Иванович еще долгое время смотрел на дверь, за которой исчезла Лариса, налил рюмку и махнул ее, закусив лимоном.

– Только бы не сгорела на работе наша Лариса Леонидовна, – пробормотал он себе под нос.

Лариса вернулась в свой кабинет. На столе стоял огромный букет белых роз, который наполнил кабинет сладким запахом. Она наклонилась над букетом и вдохнула нежный аромат. С тех пор как она снова встретила Вадима Барбусова, ее жизнь наполнилась смыслом. Вот уже месяц они были неразлучны, и каждое утро, входя в свой кабинет, она видела на столе огромный букет цветов, и безумная радость наполняла ее сердце.

До оглашения приговора оставалось чуть более двух часов.

Дверь в кабинет приоткрылась:

– Лариса Леонидовна, там с телевидения приехали, просят дать разрешение на установку аппаратуры в зале судебного заседания, – проговорила секретарь.

– Вероника, за полчаса до оглашения приговора запустишь их в зал судебного заседания и проинструктируешь о порядке в судебном заседании, – ответила молодая судья и погрузилась в составление приговора.

Настенные часы показали, что до оглашения приговора осталось пять минут. Лариса достала из дамской сумки зеркальце и губную помаду и накрасила губы. Потом встала из-за стола, взяла только что напечатанный приговор и вышла из кабинета. Через мгновение она вернулась и надела черную мантию судьи, забыв от волнения сделать это раньше. Налив в стакан холодной воды, осушила его до дна и, взяв приговор, вышла из кабинета.

Зал судебного заседания был переполнен. В железной клетке на скамье подсудимых сидел худощавый мужчина. На вид ему можно было дать тридцать пять лет, хотя на самом деле ему было чуть больше двадцати. Его рассеянный взгляд был устремлен в большое окно. Телевизионщики расположились в углу и настраивали свою технику.

– Игнат, нужен крупный план подсудимого, и время от времени накатываешь крупным планом на судью. Вот и все кино, – проводил последний инструктаж главный из телевизионщиков.

– Встать! Суд идет.

В зал судебного заседания вошла Лариса в черной мантии и с такими же жгуче-черными волосами, подстриженными под каре.

– Именем Российской Федерации, – проговорила судья, и ее голос задрожал в гробовой тишине. – Судья Пролетарского районного суда города Ростов-на-Дону установил...

Посудимый вцепился руками в железные прутья клетки. Костяшки на его руках побелели, но выражение лица было спокойным. Телевизионщик взял крупным планом подсудимого, показал своему коллеге недвусмысленный знак сжатого кулака с вытянутым вверх большим пальцем и тут же перевел камеру на судью, взяв крупным планом дрожащие руки.

Подсудимый молча смотрел на судью своим отрешенным взглядом.

– ...кинул нож, который попал в сердце Карины... От данного ножевого ранения наступила смерть потерпевшей, – губы судьи задрожали, глаза заблестели.

Она взяла графин, налила в стакан воды и поднесла ко рту. Часть воды выплеснулась на черную мантию, что не осталось без внимания как зрителей в зале, так и телевизионщиков. Лариса беглым взглядом окинула человека в клетке и продолжила зачитывать приговор...

– ...подсудимый наносил удары ножом до тех пор, пока не был нейтрализован сотрудниками специального подразделения. Согласно судебной экспертизе, на теле убитого афганца было тридцать пять колото-резаных ран, от которых наступила смерть, – проговорила судья и снова бросила беглый взгляд на человека в клетке.

Лариса еще долгое время читала приговор. Ее ноги подкосились. Чтобы не упасть, она облокотилась на высокую трибуну и дрожащим голосом закончила:

– Именем Российской Федерации подсудимого признать... – гробовая тишина повисла в воздухе...

– ...невиновным, в силу отсутствия в его действиях состава преступления. Освободить, выпустив из-под стражи немедленно.

Подсудимый все так же стоял, вцепившись руками в железные прутья, и смотрел на судью. По залу пробежал ропот. Телевизионщик поймал крупным планом подергивающееся лицо Ларисы и поднятым вверх большим пальцем отрапортовал напарнику.

Глава 4

Дорога

1995 год

– Рота, подъем!

«Что за бред? И что за голос? – пронеслось в сознании одного из новобранцев, лежавшего на кровати полутемной казармы. – Как я сюда попал, и вообще, где я нахожусь? Так, спокойно, все по порядку...»

Новый, 1995 год, веселая компания и провал в памяти, смутные очертания происходящих событий. Память постепенно возвращалась, но голова раскалывалась; можно было сделать вывод, что праздновали несколько дней. Да, вспомнил: пришла повестка о явке в районный военкомат. К чему такая спешка – вся страна гуляет, не могли подождать, пока кончатся все праздники? И так, проводы, родители и родственники невеселы, так и норовят дернуть военкома за рукав и задать один и тот же вопрос:

– Куда их везут?

Но военный, улыбаясь широченной улыбкой, звучным тембром, чтобы всем было слышно, уже не первый раз отвечает:

– Байкал – чудное место, природа там удивительная; правда, очень холодно.

– Команда 415, по вагонам...

На перроне остаются пьяные друзья, брэнчащие на гитарах, плачущие матери, растроганные отцы, юные красавицы, которые, пытаясь перекричать гул вокзала, кидают вслед уходящему составу самые сокровенные слова.

Парень, о котором пойдет речь, обычный восемнадцатилетний пацан. Зовут его Сергей Шахов.

Состав постепенно набирает ход, за окнами мелькают заснеженные пейзажи, водка льется по стаканам – и опять провал в памяти.

– Земляк, держи, – показывая в улыбке золотые зубы, протягивает снизу стакан светловолосый крепыш. – Мы тебя закинули наверх, чтобы ты отдохнул.

«А крепыш – парень вроде ничего, надо бы к нему присмотреться», – глотая водку, подумал Сергей и, спрыгнув со второй полки, чуть пошатываясь, отправился покурить.

В полутемном тамбуре, изящно держа длинную сигарету, стояла женщина лет тридцати в обтягивающем ярко-красном спортивном костюме. «Молния» на олимпийке была расстегнута чуть ниже того места, откуда открывался удивительный вид на упругую грудь, манящую к себе каждого, кто случайно мог это увидеть.

- Ты, наверное, тоже солдатик? – выпуская тонкой струйкой дым, спросила она.
- Наверное, – прикуривая сигарету, ответил Сергей.

Парень вызвал интерес у этой уверенной, знающей себе цену женщины. Высокий лоб, зелено-карие, не по годам умные глаза с поволокой, коротко стриженные черные волосы, правильные черты лица, и это в сочетании с высоким ростом и хорошей фигурой, которую можно было угадать под облегающей одеждой в полумраке тамбура.

- Вас везут на войну?
- На какую войну? – выпуская дым, удивился Сергей.
- Ты что, последние две недели не смотришь телевизор? Как тебя зовут?
- Сергей.
- У тебя есть девушка?

Они стояли друг напротив друга, в этом темном прокуренном мирке уходящего вдаль состава. Вагон качнуло, и два тела на секунду прикоснулись друг к другу.

– Земеля, а мы тебя потеряли, – вваливаясь в тамбур, произнес сосед с золотыми зубами. – Добрый день, мадам, вы не обижали нашего друга? – проглатывая окончания, обратился он к женщине.

- Его обидишь, – глядя на Сергея, с улыбкой ответила та.

– Земеля, этот военком совсем разошелся! Ты прикинь, обыскал все купе, забрал все спиртное и вылил его в сортир. Ты вроде с ним на призывном о чем-то балакал. Может, решишь с ним наши проблемы? Я с пацанами поговорил; будь нашим делегатом, он в третьем купе едет.

Потушив сигарету в подвешенной на окне вагона консервной банке, подмигнув попутчице, Сергей, пошатываясь, отправился в купе номер три.

- Можно к вам? – открывая дверь, спросил он.
- Можно Машку за ляжку или козу на возу, а в армии «разрешите». Понятно, боец? «Прикольнo задвинул!» – отметил про себя Сергей.
- Да какой из меня боец, майор...

Мимика военного в секунду изменилась.

– Товарищ майор, так, кажется, правильной, – улыбнувшись, промолвил парень. – Башка, блин, трещит. У меня в рюкзаке бутылочка коньяка есть.

Военный остановил на нем свой тяжелый немигающий взгляд, чуть помедлил и, махнув рукой, сказал:

- Тащи, а я пока закуску нарежу...
- Ну как, земля, приболтал майора?

Сергей скинул рюкзак с третьей полки, достал две бутылки коньяка и пакет с апельсинами.

- Давай за знакомство, – протягивая фиксатому бутылку, сказал он.
- Сергей Немков, погоняло Фикса, – разливая по стаканам, ответил фиксатый.
- Значит, тезки мы с тобой. А я на Шаха отзываюсь. Ну, я погнал к майору, а то придет на розыски.

В купе майора царил запах домашней пищи. Умело сервированный стол позволял сделать вывод, что в дорогу офицера явно кто-то собирал. На столе громоздились бутерброды, соленькие огурчики, склянки с какими-то блюдами, салат, нарезки, аккуратные куски птицы, салфетки. Два граненых стакана стояли в центре стола.

– Я хотел тебя уже искать, а ты тут как тут! Разливай-ка свой коньячок да давай за знакомство. Меня Николай Николаевич зовут, – протягивая свою огромную руку, промолвил майор.

- А я Сергей Шахов, – ладонь парня утонула в руке майора.

От выпитого коньяка по всему телу растекалось тепло; беседа, как говорится, становилась душевной. Глядя на заснеженный пейзаж за окном, Шахов слушал историю этого уже немолодого военного, посчитавшегося по бесчисленным гарнизонам великой державы под названием

СССР. История молодого курсанта, познакомившегося с очаровательной жительницей Петербурга, в то время еще Ленинграда, виляя по лабиринтам времени, привела рассказчика в этот уносящийся вдаль состав.

– Дочка у меня – красавица, Анастасией зовут. Обязательно, как отслужишь, приезжай в гости, познакомлю. Парень ты вроде хороший...

Бутылка коньяка была давно пуста, а настроение только начало подниматься.

– Николай Николаевич, а может, продолжим в вагоне-ресторане? Деньги у меня есть.

– Я за любой кипиш, кроме голодовки, – ответил майор.

Передислоцировавшись в вагон-ресторан и заказав у официантки Наташи бутылочку беленькой и закуску, новые знакомые продолжили разговор. Сергей вспомнил свою первую любовь. Ее звали Ирина. Это было в десятом классе, в день рождения одного из одноклассников. Шумная веселая компания собралась за красиво сервированным столом; девушка в тот день сидела напротив него. Уже несколько лет она ему нравилась. Русые волосы локонами ложились на ее нежную шею; голубые глаза, в которых можно было утонуть, время от времени прикрывались пышными ресницами. Легкий румянец, манящие к себе соблазнительные пухленькие губки; глубокий вырез блузки подчеркивал изумительные по красоте очертания юной девичьей груди. Несколько лет назад она случайно прикоснулась к его руке, и эти ощущения до сих пор оставались в его памяти. Такой нежной и шелковистой кожи он больше никогда не встречал. Приударить за этой роскошной девушкой пытались не только старшекласники, но и более взрослые парни.

До сегодняшнего дня из спиртного Сергей пил, пожалуй, только пиво, но почему-то сегодня ему хотелось казаться взрослым, и он смело опрокидывал рюмки с водкой одну за другой. Стеснение постепенно прошло, и он уже смело смотрел в ее небесные глаза. Ирина время от времени останавливала свой взгляд на нем, и легкая улыбка скользила по ее лицу. «Сегодня или никогда», – подумал Сергей и решительно придвинул свою ногу под столом к ноге Ирины. В тот же миг он уловил ее удивленный немигающий взгляд. Глядя друг другу в глаза, не обращая внимания на происходящее вокруг, они как будто провалились во времени. Сердце, казалось, вот-вот выскочит у него из груди, кровь с силой пульсировала в голове. Не отрываясь от девушки, Сергей подошвой своей стопы стал медленно поглаживать ее ногу, подниматься выше и выше; пальцами ноги он уже почувствовал ее округлую коленку. Ни на миг не отрываясь, Ирина смотрела в его глаза, ее губки слегка приоткрылись, бедра на секунду напряглись, но лишь для того, чтобы в следующую секунду расслабиться. Молча глядя друг другу в глаза, они делали первые шаги в страну под названием любовь. Ирина взяла в руку фужер шампанского, поднесла его к губам. Медленно отпивая шипучий напиток, она на мгновение прикрыла глаза...

– Сережа, можно пройти? – спросила подвыпившая одноклассница Нелька, сидящая рядом за столом.

Маленький мирок был разрушен.

– Давайте танцевать, – включая магнитофон, сказал старший брат именинника. Из колонок зазвучала медленная композиция «Скорпов».

– Потанцуем? – вставая из-за стола, спросил Сергей.

Два тела прижались друг к другу, легкая дрожь побежала по ее телу, неизведанное чувство охватило их обоих. Запах ее волос дурманил и пьянил.

– Твои волосы пахнут душистыми травами, – шепнул Сергей.

Дрожь билась ее тело, дыхание учащалось. Парень еще крепче прижал ее к своему телу и нежно поцеловал в шею. Дрожь девушки передалась Сергею, и он попытался поцеловать ее в губы.

– Не надо, Сережа, – хриплым голосом произнесла Ирина.

Танец закончился, и они разошлись по своим местам. Веселье было в самом разгаре, когда Сергей почувствовал страшную тошноту; молодое, не привыкшее к спиртному тело отторгало выпитое. По рассказам одноклассников, Сергея долго рвало, и девочки пытались привести его в чувство, поливая холодной водой; Ирина принимала в этом процессе самое активное участие. Потом его под белые ручки доставили домой и сдали маме. Ох, как же болела на следующее утро голова! Первое похмелье было поистине страшным; казалось, что кто-то сидит внутри и дрожит.

– ...Ты меня хоть слушаешь? – закусывая после очередной рюмки, спросил майор.

Прикуривая сигарету, Шах кивнул.

– Давайте к нам за стол, девчонки, – обратился Шах к сидящим за соседним столом двум официанткам. – Меня сегодня в армию забирают, а это мой командир Николай Николаевич.

Через несколько минут к ним за стол подсел директор ресторана, крупный лысый осетин лет пятидесяти. Шах достал смятые купюры и, не считая, передал одной из официанток. К столу приглашались случайно проходящие зеваки, и незаметно вагон-ресторан превратился в единые проводы. Кто-то затягивал грустную песню, кто-то молча икал, дирижируя руками; майор ненавязчиво поглаживал рукой коленку одной из официанток, сидящей рядом с ним. Лысый осетин, взяв граненый стакан, призвал всех к вниманию и стал рассказывать:

– Это было очень давно. Во Флоренции жил молодой художник. Он был юн и видел нашу жизнь в розовых и голубых красках, видел в жизни только хорошее. И вот на пике своего таланта он решил нарисовать картину и отобразить на ней все хорошее, что есть в жизни. Художник долгое время ходил по просторам Флоренции и, зайдя в одну деревушку, увидел новорожденного. Его глаза были голубы, волосы светлы и курчавы, и люди, глядя на этого малыша, говорили: это ангел спустился с небес. Картина выставлялась в лучших галереях Флоренции, и проходящие посмотреть на нее говорили: это ангел, спустившийся с небес. Прошла жизнь, художник постарел и понял, что в жизни присутствуют не только розовые и голубые краски, но есть черные и темные оттенки, есть на Земле зло. Он решил нарисовать картину и отобразить на ней то зло, которое присутствует на Земле, нарисовать дьявола. Долго ходил он по просторам Флоренции и, зайдя в одну горную деревушку, он увидел то ли человека, то ли зверя, прикованного к скале. Тот рычал и кидался даже на тех людей, которые его кормили. Художник нарисовал портрет этого существа. Картина выставлялась в лучших галереях Флоренции, и люди, проходящие посмотреть на нее, с ужасом замирали и говорили: это дьявол, он поднялся из-под земли. Но как только художник сделал последний мазок на холсте, он увидел слезу, скатившуюся по щеке существа. «Зверь, почему ты плачешь?» – спросил художник. И зверь ответил: «Художник, ты не помнишь меня. Очень много лет назад ты меня уже рисовал, и тогда я был голубоглазым белокурым мальчишкой». Так вот, Сергей, я пью за то, чтобы, с какими бы испытаниями тебе ни пришлось столкнуться, в твоей жизни всегда оставались розовые и голубые краски, а темные и черные оттенки обходили тебя стороной.

– Спасибо, отец, – проглотив водку, произнес Шах. Он уже несколько минут чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

– А я хочу выпить, чтоб ты, Сережа, вернулся живым домой из армии и чтобы побыстрее кончилась эта проклятая война, – произнесла из-за соседнего столика одна из сотрудниц вагона-ресторана, это ее взгляд уже несколько минут жег его затылок. Этот вызывающий и в то же время гордый взгляд завораживал.

– Спасибо. – Шах снова вытащил из кармана несколько мятых купюр и протянул их только что говорившей девушке. – Нам бы еще водки и чего-нибудь закусить... Оксана, вас, кажется, так зовут?

– Да, а ты мне не поможешь на кухне?

– Не вопрос, – прикуривая сигарету, ответил Шах.

– Я хочу выпить с тобой шампанское на брудершафт, – открывая холодильник, сказала она.

Спустя несколько мгновений она остервенело целовала парня...

Через несколько минут они принесли разгоряченной компании закуску. Их краткое исчезновение никто не заметил.

Застолье продолжалось до двух часов ночи. Взяв еле стоящего майора под руки и простившись с работниками ресторана, Шах отправился спать. Расставшись с офицером, он забрался на свою верхнюю полку, и воспоминания снова нахлынули на парня.

...Отношения с Ириной развивались стремительно. Прошел год. Каждый день они проводили вместе: утром в школе, вечером, держась за руки, бестолково слонялись по улицам города. Каждая скамейка была знакома этой паре. Они были счастливы, смело строили планы на будущее, мечтая пронести свою любовь через всю жизнь. Но...

После распада «союза нерушимого республик свободных» и краха Берлинской стены демократия уверенной поступью вошла на великие просторы молодой России. Ветер перемен был непредсказуем. В те годы русские немцы потянулись толпами на историческую родину.

– Малыш, тебе пора домой, – чмокая Ирину в щеку, сказал Сергей. – Ты плачешь, солнышко, что случилось?

Она уже рыдала у него на плече.

– Сереженька, мы уезжаем в Германию, навсегда.

– В какую еще Германию, малыш?

Сергей уже с трудом понимал, что она говорила.

– Я не хочу никуда ехать, я останусь с бабушкой; мама не против, а отец, я его ненавижу, говорит, что я поеду с ними. – Она рыдала навзрыд.

Прошло несколько недель, приближался час расставания.

– Сереженька, пожалуйста, не приходи на вокзал провожать меня, я не выдержу этого...

Она стояла на перроне со своими родителями и смотрела по сторонам, пытаясь выловить в людском потоке знакомую фигуру. Сергей стоял в тени кустарника метрах в ста от нее. Увидеть парня с ее места было невозможно. Он обещал ей, что не придет на вокзал, и они попрощались несколько часов назад. Сердце разрывалось от переживаний; он видел ее, такую родную и любимую, маленькую и беззащитную, его любимую девушку, которая через несколько минут должна была сесть в вагон и уехать далеко-далеко. Ирина почувствовала, что Сергей стоит в тени кустарника, сделала один нерешительный шаг, потом еще один и побежала в темноту.

– Ирина, стой, ты куда! – заорал отец.

Сергей, преодолевая расстояние, бросился ей навстречу. Два влюбленных сердца снова были вместе.

– Я люблю тебя, – шептали друг другу парень с девушкой. Слезы катились как по ее щекам, так и по его.

Сколько прошло времени, было непонятно, но посадка в вагоны заканчивалась. Сергей услышал голос ее мамы, которая, уводя Иру в вагон, говорила, что они с ней обязательно встретятся. А через мгновение он уже потерял из виду вагон, в котором уезжала его первая любовь.

Вернувшись домой, закрывшись в комнате с мокрыми от слез глазами, Сергей взял в руки гитару... За окном светало. Медленная мелодия легла на слова гимна любви.

Ты к окну садишься, пряча грусть, а время

Маленькой стоянки скоро истечет.

На стекле дождинки, это плачет осень,

Ты же улыбнись мне, помаши рукой.

Осень, осень, осень, ты – дожди и грусть.

Осень, осень, осень, лето не вернуть...

...Под стук набирающего обороты состава Сергей уснул.

Рано утром, сделав пересадку в Ростове, команда прибыла на сборный пункт города Батайска. Растянувшаяся команда стала подниматься вверх по лестнице в казарму, и вдруг поток поднявшихся новобранцев стал выдавливаться на улицу, слышался шум потасовки. Из казармы выскочили несколько десятков солдат, и эти две группы, одна из которых была еще одета в разношерстную одежду, другая уже жила по законам армейской жизни, стояли друг напротив друга, готовясь в следующую секунду броситься в бой.

– Эй, длинный! – обратился Шах к амбалу в обтягивающей тело тельняшке. – Давай-ка один на один. – Он немигающим, спокойным взглядом смотрел в глаза выбранной жертве.

Амбал, в свою очередь, рассматривая Сергея, отметил про себя, что соперник однозначно уступает ему в физических данных, но взгляд его пугал, и ему, отслужившему весь срок службы, становилось неуютно на этом готовящемся к бою поле битвы. Шах, привыкший к уличным дракам, прочитал страх и неуверенность в глазах амбала, и бой был выигран, так и не начавшись. Он сделал шаг в сторону амбала, но чья-то рука схватила его сзади за плечо. Сергей, умело вывернувшись, сделал подсечку и оказался на поваленном в снег незнакомом военном в камуфляжном бушлате с двумя большими звездами на плечах.

– Ничего себе, – вымолвил сорокалетний офицер, поваленный в сугроб.

Подоспевший майор Николай Николаевич уже стягивал Шаха с подполковника, командира этой воинской части.

– Да он у тебя сумасшедший, майор! Посмотри в его глаза, ему надо бы поостыть на морозе.

Поднявшийся военный снова попытался схватить Шаха за рукав, и действие повторилось с поразительной точностью; казалось, подполковник упал именно в тот же самый оставленный в сугробе след. В сотые доли секунды подоспевшие откуда-то военные скрутили Шаха и, подведя к какой-то трубе, пристегнули наручниками. Поднявшись второй раз из сугроба, словно возрождающийся из пепла феникс, подполковник уже не пытался схватить Сергея за рукав, а лишь крикнул и произнес:

– Встретил команду на свою голову – два раза опрокинули. Пусть с часок померзнет, – обратился он к военному, только что пристегнувшему Шаха к трубе.

– Есть, товарищ подполковник! – козырнул военный.

Ближе к вечеру стало известно, что они проведут здесь еще, по крайней мере, сутки, а потом на самолет – и в Забайкальский военный округ.

...Рев взлетающего самолета заложил уши, сборная команда, рассевшись на полу грузового лайнера, готовилась к долгому перелету. Приземлившись для дозаправки в Свердловске, лайнер взял курс на Читу.

По прилете в Читу новобранцев загнали в баню, переодели в форму и отправили в часть для прохождения военной службы. Перед строем, стоявшим в казарме, держа руки за спиной, расхаживал бравый усач.

– Вы прибыли в учебный танковый полк, в котором проведете несколько месяцев своей сознательной жизни, научившись при этом водить боевую технику. Я ваш командир роты, обращайтесь ко мне не иначе как товарищ капитан; с остальными офицерами нашей роты вы познакомитесь завтра. Так как время сейчас позднее, знакомство с вами перенесем на завтра, а сейчас ефрейтор Малышев поможет вам разместиться на ночь... Малышев, командуй.

И усач покинул расположение казармы.

Теперь перед строем расхаживал прыщавый белобрысый паренек.

– Итак, солдаты, сейчас мухой справа по одному по порядку разбегаемся по шконкам, и через пять минут я никого шатающимся не наблюдаю. Время пошло, бойцы.

Укрывшись теплым одеялом, Шах задремал. Проснувшись от жажды, он отправился в туалет. Зайдя в него, он увидел стоящего на кулаках парня из его команды, рядом с которым находился прыщавый ефрейтор.

– Тебе, я смотрю, тоже не спится, – обратился прыщавый к Шаху. – Упал рядом на пол.

Сергей взял его за кадык и немного потянул вверх.

– Ты кто такой, придурок?

– Я ефрейтор, – задыхаясь, промолвил тот.

– Что такое «ефрейтор»?

– Старший солдат.

– Старший солдат? – Шах еще сильнее сжал кадык прыщавого. – Вали отсюда, товарищ старший солдат.

Припав к крану, он стал жадно глотать ледяную воду. Стоявший несколько секунд на кулаках пацан с уважением смотрел на Сергея.

Через несколько минут Шах снова провалился в глубокий сон.

Глава 5

Рота, подъем!

– Рота, подъем!

«Значит, я уже в армии. Пора служить на благо Родины», – наматывая на ноги какие-то тряпки, думал Шах.

Толкотня в умывальнике, построение на плацу, плотный завтрак, затем знакомство с командным составом роты. Рота была поделена на четыре взвода, у которых имелись свои лейтенанты и несколько сержантов. У этих упитанных сержантов была своя мода – бляхи ремней болтались у них где-то между ног, из-под заглаженных наверх зимних шапок выглядывали отросшие курчавые чубы.

Первый день службы прошел в бесконечных занятиях, прерывающихся пятиминутными перекурами.

– Рота, отбой! – послышался голос дневального.

Смотря в темный потолок казармы, Сергей снова вспомнил Ирину, те великолепные дни, когда они были вместе, любили друг друга и жили этим чувством, считая себя самыми счастливыми на свете. Он, кажется, знал каждую клеточку ее тела, ласкал и любил все родинки на ее теле, наслаждаясь сам и даря наслаждение. Они проводили часы в изучении обнаженных тел друг друга, но расстаться с непорочностью решили в брачную ночь. Почему так несправедлива жизнь, почему они расстались, зачем она уехала? Малышка-Иришка, где ты сейчас? Какое-то время они переписывались. Она писала письма о том, где их временно поселили для изучения азов немецкого языка. Делилась впечатлениями от увиденного. На всю жизнь ему запомнились несколько строк одного из ее писем...

«Живем мы на берегу озера. Уже очень холодно, и птицы давно улетели в теплые края. Но стая лебедей почему-то не улетает на зимовку. Я долгое время не могла понять почему. Стая состоит из 10—12 белых лебедей и одного черного. У черного, как я поняла, что-то с крылом, и вся стая ждет, пока он сможет подняться с ними в небо. Сереженька, мне так жалко их, мне кажется, они не успеют добраться в теплые страны.

Целую, скуцаю, люблю, твоя Ирина

P.S. Не обращай внимания на размазанные буквы, я плакала.

Забывла, вот тебе мой поцелуйчик...»

Внизу текста Ирина в каждом письме оставляла отпечаток своих накрашенных губок. Сергей поднес письмо к губам и поцеловал оставленный след. «Малыш, я тебя люблю...»

– Рота, подъем! – раздался где-то вдалеке голос. Сильный толчок сотряс койку. Открыв глаза, Сергей увидел усатого командира роты капитана Оличинского.

– Команда для всех солдат, одеваемся и строимся в центральном проходе!

Краем глаза Шах улавливал, что большинство уже одетых солдат строились посередине казармы; некоторые, как и он, еще одевались, но были и те, которые еще видели сны. «Отменный же у них сон!» – подумал Сергей. Сержанты во главе с командиром роты ходили меж коек и ударами сапог о металл будили спящих. Через несколько минут вся рота стояла в центральном проходе. Начался еще один день армейской жизни...

Уже вечером, проходя мимо кабинета командира роты, Шах столкнулся с ротным старшиной. Пьяный усатый детина лет тридцати, как выяснилось позже, мордвин, проходил военную службу по контракту и тратил почти все свое время на самоутверждение среди солдат срочной службы.

– Эй, тело, мухой принес мне живую сигарету, – обратился он к проходящему мимо Шаху.

Тот попытался пройти мимо, не обращая внимания на подвыпившего мордвина.

– Ты чего, солдат, не слышал приказа старшины?! – и мордвин, схватив Сергея, дернул его на себя. Сгруппировавшись и поддавшись направлению движения, Шах быстро выбросил локоть навстречу этому пьяному детине весом 130 килограммов. Раздался глухой стон, и мордвин рухнул на пол.

– Рота, смирно! – раздался крик дневального, и в казарму вошел командир батальона подполковник Шубин. Мордвин пытался подняться с пола, прикрывая окровавленный нос.

– Что случилось, старшина? – поинтересовался у него Шубин.

– Да солдат какой-то бешеный драться кинулся.

– Что случилось, рядовой? – обратился Шубин к Сергею.

– Упал, очнулся, гипс, – улыбнувшись, ответил тот.

– Да тебе, я смотрю, смешно! Разбил нос старшине – и рад. На нашу гауптвахту его, Оличинский! – сказал он стоящему в окружении других офицеров командиру роты.

Через 30 минут сержант Михайлов вел Сергея на гауптвахту.

– Тебе еще повезло, Шахов, что комбат отправил тебя на нашу гауптвахту, а не на гарнизонную, вот там был бы тебе конец. А у нас в полку ее как таковой нет уже полгода – так, только караульное помещение для наряда, ну и пара-тройка пустых старых камер. Я недавно в них ремонт делал, пока по залету сидел. День-два посидишь, да и отправят в роту. Там даже замков нет, просто накидные, без ключей. Единственное, что холодно, минусовая температура, сосульки в камере висят. Так я на ночь в караульное помещение ходил спать, а утром – назад в камеру. Главное, чтоб начкар не увидел. Там в первой камере, в правом углу, что-то наподобие батареи имеется, так ты рукой пошарь: мне пацаны сигареты закидывали, может, и не отсырели. А со старшиной ты попал, он теперь с тебя не слезет, мордвин еще тот... Через него один малый на Тикси залетел, а там в туалет по канату ходят, чтоб не потеряться. Нос ты ему красиво подровнял; я, правда, не видел, пацаны сказали. Так что жди теперь подляны от него. Мы от этого мордвина в свое время тоже натерпелись, но чтоб нос ему расквасить, так это все на словах да в мечтах о «гражданке». Как говорят, ты за себя да за того парня ему нос «поправил». Выйдешь с губы, обмоем это дело. Пацан ты правильный...

Михайлов нажал на звонок над металлической дверью и передал Сергея розовощекому лейтенанту, начальнику караула. Шаха закрыли на навесной замок в первой камере. В камере было сыро и холодно, и уже через полчаса зубы стали стучать. Сергей, укутавшись в шинель, сидел на корточках в углу и пытался уснуть.

Где-то вдалеке слышались голоса, и через несколько минут в камеру завели еще одного залетчика. Шах видел этого парня в своей роте, несколько дней назад его перевели из соседнего полка пехоты. За невысоким крепышом с тех пор закрепилась кликуха Пехота. Он был дагестанцем, держался в роте обособленно и с достоинством, не вступая в образовавшиеся группы.

– Хвала героям, Серый! – протягивая руку, сказал Пехота. – Видел, как ты мордвина свалил. – Он сел рядом с Шахом. – Холодно здесь, сейчас бы покурить. – Пехота пожегся.

– Пошарь под батареей в углу, там должны быть сигареты, – обронил, стуча зубами, Сергей.

Уже через пару минут арестанты курили «Бонд».

– А как ты узнал про сигареты? – спросил Пехота.

– По почте сообщили. Чтоб ласты здесь от холода не склеить, нужно чем-то заняться, – вставая, сказал Сергей.

Оба они вначале приседали, потом отжимались, курили и снова приседали, чтоб не замерзнуть. Пехота все время о чем-то рассказывал. Выяснилось, что он тоже с кем-то подрался в роте.

– Ты прикинь, я же, говорит, мою полы в казарме, а ты ведь тоже дневальный – значит, тоже мой. Ну и сцепились, а он потом ротному расклад полный дал. Выйду отсюда, зачморю суку... Нет, Серый, мы здесь за ночь от холода подохнем. Я слышал, что человек от холода вначале засыпает, а потом и отъезжает, так что нам спать нельзя. Надо песни петь, чтоб не заснуть.

И Пехота затянул песню на своем языке:

– Шамиль имаму Шамиль, Шамилю имам...

– О чем ты спел? – поинтересовался Сергей.

– Это старая песня про имама Шамиля, который возглавил борьбу с царской Россией во времена генерала Ермолова. Кавказская война, слышал, наверно?

Сергей кивнул. Не понимая ни одного слова в спетой песне, Шах представил те далекие события. Генерал Ермолов оставил неизгладимый след в истории присоединения земель Кавказа к царской России. Каким же жестоким надо было быть, чтоб песнь о тех событиях звучала из уст молодых людей почти через 200 лет! Кавказ пронизан памятью прошлого, Чечня – тому пример. Вот уже месяц рассказывают по ТВ о контрперации, проводимой в Чеченской Республике, показывают слезы матерей и отцов, получающих цинки, показывают этих гребанных политиков, набирающих рейтинг в теледебатах, а ведь все это – отголоски той Кавказской войны генерала Ермолова.

Через несколько дней заточение закончилось.

* * *

Полгода спустя

– Спаси и сохрани, Господи, раба божьего Сергея, спаси и сохрани...

Вот уже седьмой час подряд перед иконой Николая Чудотворца стояла женщина в черном платке. Ее губы не переставая шептали молитвы. Взгляд был отрешенным. Время от времени она меняла в руке догорающие восковые свечи. Это были большие свечи, которые сторали в течение часа. Ее руки были залеплены застывшим воском. За то время, пока женщина стояла в церкви, одна из монахинь подходила к ней, но, заглянув в ее безумные, полные отчаяния глаза, безмолвно удалялась. Так продолжалось еще несколько часов. На улице давно стемнело, и последние посетители покинули божий храм. А женщина так и стояла перед иконой Николая Чудотворца. Настоятель церкви подозвал к себе одну из служительниц храма и тихо спросил:

– Что случилось у этой женщины, сестра Тамара?

– Не знаю, батюшка, она провела перед иконой весь день.

Священник медленно проследовал к странной женщине. Постояв немного молча возле нее, он негромко прочитал вслух «Отче наш».

Женщина оторвала взгляд от иконы и, посмотрев на святого отца, спросила:

– Скажите, батюшка, Николай Чудотворец может сотворить чудо?

– Да, может, но нужно молиться и верить в это всем сердцем, и тогда чудо свершится.

Аминь.

– Спасибо, батюшка, я знаю, что сын жив, – и женщина пошла прочь из церквушки.

Батюшка еще некоторое время стоял и смотрел вслед удаляющейся женщине, а после того как она исчезла, перекрестился и произнес:

– Храни ее господь...

Глава 6

Полигон

Чита, учебный полк

Утром, после завтрака, рота была погружена в «Уралы» и вывезена за город. Высокие сосны грациозно красовались по обе стороны убегающей вдаль заснеженной дороги. Вот на одной из заснеженных лап сосны мелькнула рыжая белка. Немного посидев, с силой оттолкнулась и, словно заправский гимнаст, взвилась в воздух по направлению к соседней сосне. Легкий шлейф снега указал направление удаляющегося зверька.

Учебный полигон находился в 40 км от Читы. Одноэтажные казармы стояли на заваленной снегом поляне, располагающейся посреди тайги, простирающейся на тысячи километров. Рота была расквартирована, и уже через час посреди тайги был разведен костер, возле которого проводился инструктаж по вождению танка.

– Помните, бойцы, с вами на связи нахожусь не только я, но и – по внутренней связи – механик-инструктор, сидящий с вами в танке. Беспрекословно подчиняйтесь его инструкциям. Трогаемся по команде «вперед», по команде «стоп машина» останавливаемся и глушим мотор. Все остальное, надеюсь, вам объяснили на тренажерах в учебном классе, – произнес инструктирующий офицер.

Укутанные в бушлаты, бойцы стояли полукругом вокруг костра. Высокие валенки придавали им смешной вид, похожи они были на неваляшек.

– О чем думаешь, Серый? – спросил стоящий рядом Фикса.

– Фикса, а ты в бильярд когда-нибудь играл?

– Было пару раз, – ответил тот.

– Да вспомнил одну историю, – продолжил Шах. – Я же в футбол раньше гонял, за город. Приехали мы как-то на турнир в Астрахань. Там в местном кремле, в подвале, бильярдная была. Ну так вот, прикинь, нам лет по пятнадцать, пришли мы туда, заказали стол, стали играть. А бильярдная катраном пахнет – короче, на деньги играют. Дедки древние с киями ходят, над каждым ударом по часу думают, в общем, все по-взрослому; только мы, малолетки, в этот замес не вписываемся. Дали мне кий, ну я и стукнул по шару. А он, по непонятной траектории, поскакав по бортам, зацепил другой, и они оба в противоположные лунки вошли. Дедок, ходивший рядом, аж ойкнул. Я, говорит, пятьдесят лет играю, а таких ударов довелось видеть два раза, и то лет тридцать назад, какой-то Ферзь так исполнял. Ну, а я кий-то первый раз вообще в тот день держал. Вот такой случай у меня с бильярдом был.

Незаметно пролетели несколько дней, в течение которых новобранцы приобрели навыки вождения танка. По вечерам смотрели «Новости», где показывали слезы матерей, проводив-

ших своих сыновей в армию и получивших взамен цинки. Контроперація в Чечне постепенно превращалась в кровавое месиво. Стали поговаривать, что полк готовят к отправке на Кавказ.

И вот пришло время сдавать зачет по вождению, показать, чему их научили. Зачетный круг – 5 километров по пересеченной местности на «Т-90».

Запрыгнув на танк, Шах обратился к сидящему на башне сопровождающему:

– Паренек, ты бы люк закрыл да держался покрепче.

Закрыв за собой люк и включив вторую передачу, он тронулся. Трасса была непростой. Змейка столбов, которые необходимо было объезжать с разных сторон, противотанковый ров, крутой подъем, на котором он уже обогнал вопреки инструкциям впереди идущий танк. Колейный мост он взял на шестой передаче вместо положенной первой. И вот прямая, убитая глубокими выбоинами. Он воткнул седьмую передачу, уперся руками в люк и выжал по максимуму педаль газа. Подумал: «Я привезу вам лучшее время». Танк стал подлетать с кочки на кочку, на мгновение полностью отрываясь от земли, стрелка спидометра находилась на 100, тряска усиливалась. Вдруг по внутренней связи он услышал:

– Механик, стой, стой, придунок, сто... – голос исчез.

Пытаясь на этой бешеной скорости остановить машину, Шах дернул за правый рычаг, съехал с дороги, снес на своем пути небольшие деревца, и с трудом остановил машину. Открыв люк, он, отодвинув поваленные ветки, залез на башню и заглянул в люк. Мешковатое тело лежало безжизненно. «Ну, вот и отслужил!» – пронеслось в голове.

– Ты живой? – Шах потряс человека за плечо. Парень молчал, кое-где была видна кровь. Секунды тянулись. «Посадят, точно посадят». Сергей потянул тело вверх за бушлат.

– Кх-кх, – послышался хрип снизу.

– Живой! – и Сергей вытянул бедолагу из люка. Зрелище было не из приятных, все лицо было в крови.

– Говорить можешь? Что болит?

– У-убью! – беззубым ртом промолвил тот.

– Жить будешь. Да у тебя и нос снизу вроде оторван. Говорил тебе – закрывай люк, – прикладывая снег к разбитому лицу, сказал Сергей. – Залезай на броню, надо ж круг закончить! Тот его не слушал. Он отправился на командный пункт пешком через поле.

Сергей в одиночестве отправился на финиш.

– А где сопровождающий? – спросил комбат после доклада Сергея.

– Вон идет по дороге, – показал боец вдаль рукой. – Я ему говорил, товарищ подполковник, чтоб он люк закрыл, а он как фраер, по-походному...

Вечером того же дня рота вернулась в Читу.

Прошла еще неделя, и Сергей с Фиксой были переведены в другую роту, которой надлежало выбыть в другой регион для дальнейшего прохождения службы.

На «Уралах» бойцов отвезли в аэропорт и загрузили в самолет.

В хвост самолета прошел небольшого роста летчик с автоматом наперевес.

– Давайте, пацаны, если что, – произнес он непонятную фразу.

– А куда мы летим? – спросил один из бойцов сидящего рядом офицера.

– Да вроде в Краснодар или Ставрополь, я и сам не знаю.

Самолет взмыл в небо.

Дозаправка произошла в Екатеринбурге, еще несколько лет назад он назывался Свердловском. Мысли Шаха были далеко. Он вспоминал Ирину и те безоблачные дни, когда они были вместе. Три месяца учебки пролетели как один день. Под гул самолета он уснул.

– Серый, вставай!

Открыв глаза, он увидел Фиксу, тот тряс его за плечо.

– Брат, мы дома.

– В каком смысле «дома»?

– А ты в иллюминатор посмотри, – широко улыбаясь, ответил Фикса.

В иллюминаторе был виден красавец Эльбрус, и Сергею сразу вспомнилось стихотворение А.С. Пушкина:

В час ранний утренней пролады
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины,
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков.
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая лебяном,
Эльбрус огромный, величавый
Белел на небе голубом.

– Дома, как есть дома, – повторил Фикса.

Через пятнадцать минут лайнер зашел на посадку, пробежал по летной полосе и замер. Еще мгновение – и чрево самолета открылось.

Глава 7

Мать

Два месяца спустя. Чечня

Уже которую неделю мать безрезультатно искала своего сына на обугленной Чеченской земле. Сердце подсказывало ей, что сын жив, что он где-то рядом, что не сегодня – так завтра он найдется. Его фото она показывала всем, с кем встречалась, обходила селение за селением изо дня в день, но напрасно. За это время она очень изменилась, глубокие морщины прорезали уставшее лицо. Чечня была поделена по территориям влияния, где-то стояли федералы, где-то все контролировали боевики. Бывали дни, когда у женщины во рту не было ни крошки. Иногда ее встречали с сочувствием и пониманием, иногда с ненавистью и раздражением – люди же разные, и не важно, русские или чеченцы; есть жизненные обстоятельства, при которых поступок человека вызывает уважение даже у самого заклятого врага.

Впереди на горизонте замаячил очередной населенный пункт. Вечерние сумерки медленно спускались на маленький аул, расположенный у подножия холма. Она шла, уставшая и голодная, по проселочной дороге, как вдруг услышала речь, вначале чеченскую, а затем и русскую:

– Эй, женщина, чего ищешь? Иди сюда!

Возле наполовину обрушенного дома стояла чеченка в черном платке, держа руки на пояснице.

– Что ты тут потеряла, русская? Ты немая, что ли?

– Я ищу своего сына, вот его фотография. Вы его не видели? – И мать протянула чеченке уже довольно потертую фотографию сына.

– Нет, русская, я его не видела и знаю точно, что в нашем селе пленных нет. Скажи мне, а ты не боишься вот так одна ходить по нашей земле?

– Самое дорогое, что у меня было, я и ищу на вашей земле. Если суждено найти его, то найду, а если нет – так в том, что меня похоронят недалеко от моего сына, нет ничего страш-

ного. Но я чувствую, что он жив, и буду искать его до тех пор, пока не найду. Извините, я пойду дальше, – и она развернулась и пошла по дороге.

– Стой, женщина! Иди сюда, уже ночь на дворе! Проходи, проходи в мой дом, или в то, что от него осталось. Меня Азой зовут.

В одной из сохранившихся комнат в детской кроватке лежала девочка лет пяти, с голубыми глазами и темными курчавыми волосами. В руках у нее была кукла без головы, но девочка с любовью прижимала ее к себе. На столе стояла лампа, тускло освещавшая мрачную обстановку комнаты.

– Вот так, русская: когда-то это был большой двухэтажный дом, в котором жили я с мужем, двое старших сыновей и дочка с мужем. – Чеченка взялась руками за голову и на несколько минут замолчала. Ее лицо выражало скорбь. – А теперь вот я с внучкой Людочкой – и все, нет больше никого, один лишь старший сын, неизвестно, жив или нет, а остальные погибли... – Как тебя зовут, русская?

– Как и твою внучку, Людой.

– Смелая ты женщина, вот так вот ходишь и ищешь сына. Ты ела сегодня? Знаешь, до войны в нашем доме всегда были рады гостям, принято было выставлять для гостя самые лучшие продукты; а сейчас весь наш рацион с Людочкой – солдатская тушенка да черный хлеб. Так что сейчас будем ужинать. Мой пока руки, а я дров подкину, а то холодает что-то.

...В полуразваленном доме при тусклом свете лампы, под хруст прогорающих дров за столом сидели две женщины и маленькая девочка.

– Я не знаю, как ее воспитывать, что говорить ей про ее отца и мать. Будь проклята эта война и эта земля! Знаешь, русская, это лишь часть того, кого мне пришлось потерять. Вся моя семья была уничтожена в 1944 году, в год, когда Сталин депортировал чеченский народ в Казахстан. Людей грузили в вагоны и спускали составы под откос в море; гибли тысячи людей, стариков, матерей, ни в чем не повинных детей. Из всей семьи до Казахстана добрались лишь мы с матерью, а ведь у меня было семь старших братьев и сестер.

Аза снова замолчала, и по ее изрезанному глубокими морщинами лицу побежали слезы.

– Это продолжается уже более двухсот лет. Еще во времена Ермолова гибли наши деды и прадеды, а сейчас гибнут наши дети и внуки. Я не могу простить русским гибель всего рода, но я бессильна; единственное, что меня держит на этой земле, вот она, моя внучка Людочка. В Казахстане в 47-м году умерла моя мать, мне тогда было семь лет. Я выросла в Казахстане, окончила школу, работала, встретила своего мужа, у нас все было хорошо, родились дети, и вот в 87-м году мы решили вернуться на свою родину в Чечню. Зачем мы это сделали?

После паузы Аза вновь заговорила:

– Когда же закончится все это? Везде кровь, всюду пахнет смертью... Я ненавижу эту землю. Ты знаешь, я решила мстить русским – обвешаться взрывчаткой и унести с собой на тот свет как можно больше ваших. Но сейчас, глядя на тебя и на твою горе, я понимаю, что ни ты, ни твой сын, ни сотни других ваших сыновей не виноваты в том, что их насильно пригнали сюда. За что они здесь умирают? Я могу тебе ответить – за тех жирных политиков, которые зарабатывают на войне. Вот так, русская. Ладно, пора спать, можешь лечь вон на той кровати возле окна. Я дам тебе совет, как мать матери; я знаю, что такое терять детей, поэтому и помогаю тебе. Тебе надо попасть в Урус-Мартан. Там, говорят, сейчас и Масхадов, и Басаев; там, возможно, есть данные или списки захваченных пленных солдат. Возможно, там ты что-нибудь узнаешь. А теперь – спать.

– Спасибо тебе, Аза, – проговорила женщина, а минуту спустя в одиноко стоявшем на окраине села доме погасла лампа.

...Первые лучи солнца озарили маленькую комнатку полуразрушенного дома, расположенного у подножия холма. Маленькая девочка играла возле окна с куклой, у которой не

было головы. Она надевала на нее сделанную из ветхого белья одежду, улыбалась ей и разговаривала с ней на своем детском, никому более не понятном языке.

– Ты проснулась, малышка? – Людмила протянула руки к играющей девочке, и та с радостью залезла к ней на кровать, улыбаясь своей открытой детской улыбкой.

– А кого ты ищешь? Я вчера слышала, как ты говорила бабушке, что кого-то потеряла, но ничего не поняла, потому что ты все время молчала, а говорила бабушка. А потом я уснула. Кого ты потеряла?

– Сына.

– Сына? А как его зовут?

– Его зовут Сергей.

– Он что, пошел гулять и заблудился?

– Не знаю. Вот найду его, он мне все и расскажет, – ответила мать.

– Я тоже один раз потерялась, мы еще в Грозном жили, у нас там большая квартира была и еще Рыжик – маленький котенок, я с ним всегда играла. Мы с Ирккой, моей подружкой, пошли гулять и заблудились, я еще в лужу упала. Нас ночью папа нашел в милиции, привел домой. Мама плачет, а папа почему-то смеется и говорит мне: «Снимай платье, лягушка-путешественница». А мое платье, которое было белое, все в грязи, вот так. А на следующий день мы пошли в зоопарк, там был лев и верблюд, верблюд смешной, он еще в папу плюнул, а льва я боялась, но папа сказал, чтобы я не боялась, потому что лев – это царь зверей и маленьких девочек он не ест. А потом мы ели мороженое и катались на качелях. А ты своего сына водила в зоопарк?

– Когда-то водила.

– А он боялся льва?

– Нет, он же мужчина, а мужчинам нельзя бояться.

– Понятно, – ответила малышка. – Когда мама с папой вернутся, мы обязательно пойдем в зоопарк, и я уже не буду бояться льва, я ведь большая. Люда, а у твоего сына есть детки?

– Нет, солнышко, пока нет, но скоро будут, я это точно знаю, – проговорила мать и заплакала.

– Почему ты плачешь, тебе страшно? Не бойся, я с тобой.

– Хорошо, малышка, больше не буду плакать.

Дверь открылась, и в комнату зашла Аза.

– А, вы уже проснулись? Это хорошо. Сейчас покушаем, и тебе, Люда, надо уходить. В селе появились какие-то люди, а я не хочу, чтобы в моем доме что-нибудь случилось. Если доберешься до Урус-Мартана, отыщи там Доку Умарова, он мой родственник, его там все знают. Расскажи все ему, может, чем и поможет.

Глава 8

141-й ОТБ

Прилетевшие из Читы новобранцы с нескрываемой радостью высыпали из чрева самолета. Солдаты были построены в колонну по четыре и строем последовали за встречающим их офицером. На глаза давила яркая зелень, окружающая со всех сторон. После заснеженных пейзажей Читинской области зеленая трава казалась неуместной, хотя март уже сдавал права надвигающемуся апрелю. Зелень была повсюду – зеленая маскировочная сетка была натянута на небольшие здания, располагающиеся вокруг этого небольшого аэропорта. Кроме того, зеленая сетка покрывала военную технику – БТРы и БМП. Казалось, даже встречающиеся люди, повязанные косынками цвета хаки, отливали зеленым цветом. Шах с Фиксой шли последними. Поравнявшись с идущим навстречу парнем с зеленой косынкой на голове и в черных очках, явно косящим под рейнджера, Шах спросил:

– Брат, подскажи, где мы приземлились?

– Какой я тебе брат, душара? Вешайся, в Моздоке ты! – недовольно выдал рейнджер в ответ.

– Мы дома! – и Шах с Фиксой, на глазах у ничего не понимающего рейнджера, хлопнули друг друга по ладоням.

Через полчаса их погрузили в вертолет и пообещали, что минут через тридцать они будут на месте. И вот долгожданная посадка. На этой вертолетной площадке обстановка была более напряженной. Рядом стояли еще две «вертушки», из которых выгружали раненых солдат. Зрелище было жутким. Окровавленные тела складывали прямо на земле. Стон, просьбы о чем-то, запах чего-то жженого – все в секунду перемешалось и давило на психику. У одного из ребят не было обеих ног, и лишь десятки метров окровавленного бинта позволяли ему до сих пор как-то оставаться живым. У другого, с наспех перевязанной головой, не было рук. Но самое страшное было то, какими глазами они смотрели. От их взгляда веяло смертью. Эти еще юные мальчишки уже успели повстречаться с костлявой, а возможно, и обняться с ней. Где-то вдалеке слышался шум летящих сюда машин «Скорой помощи».

Вновь прибывших строем проводили в какую-то часть, из которой их должны были забрать «покупатели».

– Надо бы нам в одну часть попасть, Шах, а то сейчас пораскинут кого куда.

– Сошлемся, что братья двоюродные, – ответил тот Фиксе.

Действительно, команду стали раскидывать на глаз. Подойдя к капитану, сидящему за столом, и сославшись на родство, они попросились в одну часть. Шах с Фиксой были определены в 141-й ОТБ (отдельный танковый батальон). За время следования в батальон старшина Комарчук поведал, что подразделение, в котором им предстоит служить, в полном составе находится в Чечне, за исключением нескольких офицеров, пары прапорщиков, ну, и десятка солдат, следящих за расположением батальона.

И вот впереди замаячили ворота КПП. Территория части располагалась в военном городке, который был построен турками на немецкие деньги, так как части ранее выводились из Германии. На территории за камуфлированным КПП располагались, помимо танкового батальона, ОРБ (отдельный разведывательный батальон) и батальон связи. Одноэтажные казармы стояли вразнобой. В центре располагалось два плаца, на одном из которых были построены вновь прибывшие.

– Товарищ майор, новобранцы в количестве тридцати человек построены на плацу. Прапорщик Комарчук.

– Разместить вновь прибывших по казармам, и отбой. Сейчас 23.50 – поэтому завтра бойцов на зарядку не поднимать, дать поспать подольше; поднимешь прямо на завтрак. Командуй отбой, прапорщик.

Раскидав прибывших по казармам, Комарчук построил новобранцев 3-й роты и провел с ними инструктаж. В числе стоявших в строю были и Фикса с Шахом. Казарма оказалась на уровне. Длинная, метров сто, взлетка заканчивалась входом в туалет, в котором были, помимо всего прочего, еще и пять душевых кабинок. Налево и направо располагались кубрики – небольшие комнатки с двухъярусными кроватями, тумбочками, шкафчиками для одежды, небольшим столом со стульями, предназначенные для четырех человек. Еще в роте имелась комната отдыха с телевизором и видеоманитофоном, а также спортзал со множеством гантелей и штанг.

– Итак, бойцы, десять минут на умывание – и отбой, завтра будем знакомиться поближе.

– А Комарчук – вроде ничего дядька, мне даже понравился, – уже засыпая, поведал Фикса Шаху.

– Главное, не ошибиться. А то, как люди говорят, первый взгляд обманчив, – ответил тот.

Глава 9

Шапки снять, духи!

Наутро, после построения на плацу, танкисты проследовали в столовую.

– Так, берем на подносы еду и рассаживаемся на первом ряду столов, это ряд ОТБ, – громко, на всю столовую говорил Комарчук.

ОТБ приступил к приему пищи.

– Слышь, Шах, посмотри, как соседние столы сервированы – конфеты, печенье, сгущенка, еще какая-то муть... Это для кого?

– Я думаю, для офицеров, – ответил Сергей.

Через какое-то время в столовую ввалились обвешанные медалями и орденами, одетые в камуфлированную форму несколько десятков разведчиков. Вошедшие с шумом расселись за соседними сервированными столами, нагло и даже с презрением поглядывая в сторону танкистов.

– Спецпаек хавают; наверно, из Чечни недавно вернулись, – вымолвил сидящий с Шахом и Фиксой невысокий паренек.

– Духи, а вы чего такие борзые? Шапки снять! – выдал на всю столовую кто-то из разведчиков.

Действительно, читинская привычка давала о себе знать, и все ели, не снимая зимних шапок.

– Шапки снять, черти! – зазвучала с соседнего ряда команда, и сидящие танкисты стали снимать шапки. С покрытой головой оставались несколько человек. Один из разведчиков поднялся и, проходя по ряду танкистов, стал подзатыльниками сбивать шапки. Он приближался к столу, за которым сидели Шах с Фиксой.

– Э, боец, ты чего руки распускаешь! – прозвучал сзади голос прапорщика Комарчука.

– Да все нормально, товарищ прапорщик, – воспитываю, – произнес, улыбаясь, уже присаживающийся на свое место разведчик. По выражению лица разведчика было видно, что Комарчука здесь уважают, а может, даже побаиваются. Разговор с этим пятидесятилетним двухметровым хохлом с добродушным лицом и пудовыми кулаками не предвещал ничего хорошего.

– Я тебе щас поучу! – и Комарчук, погрозив кулаком, вышел из столовой.

– Э, духи, вас что, не касается? – зазвучал голос снова. Но теперь в шапках оставались лишь Фикса с Шахом.

– Дай мне свой нож, – протягивая руку под столом, сказал Шах. Фикса незаметно передал ему выкидной нож с оранжевой ручкой.

– Ну, вы, бронелобые, вообще рамсы попутали?

– За базар отвечать нужно. Кто это сказал, за мной на улицу! – и Шах встал со своего места.

Под хохот разведчиков он вышел на улицу и остановился спиной к входу. Чья-то тяжелая рука легла на плечо Шаха. Он резко развернулся, схватил соперника за грудь двумя руками, собираясь его чуть-чуть приподнять и откинуть назад, но маневр не удался. Перед ним стоял стопятидесятикилограммовый толстяк с добродушным улыбающимся лицом, которого при всем желании не только приподнять, но и, пожалуй, сдвинуть хотя бы на сантиметр было проблематично. Оценив все шансы и возможные варианты в долю секунды, Сергей потянул этого здоровяка на себя и с силой ударил его головой в нос. Затуманенный взгляд и легкая струйка крови из носа толстяка говорили о том, что цель достигнута, но противник так не думал. Идя на опережение, Сергей второй раз опустил свой лоб на уже не улыбающееся лицо добряка. Второй удар был намного сильнее первого и оказался последним в этой схватке – верзила оседал на землю. Из столовой еще не успели выйти все зрители, как все было кончено. Несколько разведчиков кинулись на Шаха, но тот, сделав два шага назад, выставил нож.

– Порешу, суки! – крикнул он.

Разведчики замерли в нерешительности.

– Разойтись! – снова раздался голос Комарчука за спинами высыпавших на улицу солдат.

Растолкав собравшихся, Комарчук пробился к полусидящему на земле разведчику. В ту же секунду нож исчез в кармане Шаха.

– Мы тебя, душара, вечером выловим, вешайся, – слышались голоса разведчиков.

Старшина Комарчук загнал всех танкистов в 3-ю роту.

– А ты, я смотрю, борзый, – глядя на Шаха, сказал он. – Шкафа сделал, его даже офицеры разведбата стороной обходят... Так, слушаем сюда, воины. Поодиночке из казарм не выходите, да и вообще сидите в казармах, нечего вам по части пока шарахаться. Курите в туалете. Сегодня получаете новую форму, приводите ее в порядок, пришиваете шевроны, подшиваете подворотнички, после обеда едем в баню. Если вопросов нет, разойтись!

Через полчаса в кубрик к Шаху пожаловали гости. Первым зашел невысокого роста паренек в спортивном костюме, за ним верзила в обтягивающем фигуру танкаче (танковый комбенизон).

– Здорово, братан, меня Костром зовут, а это Медведь – указал он на спутника в танкаче. – Нам до дембеля несколько дней осталось, так что на чемоданах сидим, а тут такое кино. Я сам не видел, в отличие от Медведя, как ты Шкафа сделал, но оценить смогу. У нас с разведкой постоянный геморрой. Прессуют, суки. Когда нас сюда закинули, так они танкистов, то бишь наших старых, по-черному чморили. Но наш призыв вроде крепкий попался, Медведь не даст соврать. Так что мы потихоньку огрызаться стали, бились иногда, но со Шкафом никак сладить не могли – он вон какой бугай. Потом батальоны в Чечню закинули, Грозный вместе штурмовали, и наши пацаны полегли, да и разведчиков покосило. Их неделю как из Ичкерии вывели, а наш батальон пока там стоит. Из старых в батальоне мы с Медведем да еще пара хлопцев, так что перевес по-любому на стороне разведки, вот они хвосты, суки, и распушили. В общем, если какие проблемы с ними, маякуй нам. Сегодня в баню повезут, можно будет пивка попить, так что не прощаюсь, в баньке пообщаемся. Пойдем, Медведь, – заявил парень, и делегация вышла из кубрика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.